Отрицающий злого духа человек уже поглощен диаволом.

Св. Иоанн Кронштадтский

Глава первая,

в которой один студент получает заманчивое предложение от некой фирмы, но не спешит его принимать

На пороге стоял очень полный пожилой человек невысокого роста. Он походил на дачника, час назад поставившего вилы в сарай и приехавшего на стареньком «москвиче» в город прямиком со своего огорода. На голове его была мятая детская кепочка из тонкой ткани с цветочками и гибким козырьком из прозрачной пленки. Внушительного размера живот обтягивала белая футболка с поблекшей от многих стирок надписью «Pepsi-Cola», поверх нее была надета короткая курточка из выбеленной джинсы. О том, чтобы застегнуть молнию куртки на выпирающем вперед животе, не приходилось и думать. Из закатанных почти до локтей рукавов высовывались пухлые, покрытые густыми черными волосиками руки с короткими сарделевидными пальчиками. Широченные светло-бежевые брюки дополняли наряд гостя. Именно в такой последовательности — сверху вниз, от кепочки до сандалий — Сергей быстро оглядел визитера. Весь его облик показался студенту Кругликову не то чтобы знакомым, но напоминающим какого-то известного комического персонажа. Несоразмерно большая по сравнению с туловищем голова время от времени моргала маленькими выпуклыми глазками. Но ни это, ни бугристая кожа, покрытая какими-то шишечками и бородавками, ни еще более

бугристый картофелеобразный нос не создавали отталкивающего впечатления. Скорее, их обладатель выглядел карикатурно, словно был изготовлен для выставки восковых фигур в несколько гротескной манере.

Под правой рукой старичок держал пухлую папку. «Из домоуправления, что ли?» — подумал студент.

— Черт побери, — слегка картавя, произнес старичок с едва уловимым то ли украинским, то ли белорусским акцентом. — Вызывали?

— Чего-чего? — не понял Сергей.

— Фирма такая — «Черт по-бе-ри». Вы только что пригласили агента на дом. — «Дачник» снял кепочку и отер взмокший лоб мятым платком. — По интернету.

Сергей от удивления зажмурился и растерянно затряс головой:

— Погодите, что-то я ничего не пойму. Какая еще фирма? Никого я не вызывал, вы ошиблись…

— Молодой человек, я, по-вашему, притащился на пятый этаж пешком без лифта просто так? Мне что, больше де-е-лать нечего? Вот, — он раскрыл свою папку, — ваша заявка зафиксирована в два сорок пять по Гринвичу и отмечена в диспетчерской. Смотрите: Кедровая улица, дом семь, квартира шестнадцать, Кругликов Сергей Валентинович.

У Сергея в голове неожиданно что-то щелкнуло. Его поразило одно фантастическое совпадение: он действительно несколько минут назад включил свой компьютер, чтобы проверить почту. В «ящике» притаилось единственное непрочитанное сообщение с дурацким текстом: «Приобретаем человеческие души. ДОРОГО! Хотите продать — кликните по ссылке». Кругликов тотчас вспомнил вчерашний разговор со своим другом, однокашником и собутыльником Геннадием Семечкиным. Они сидели в летнике, пили пиво и скучали.

— Лично мне очень жаль, что все россказни про чертей и про то, что они якобы любят приобретать людские

души, — пустой треп, — сказал Сергей после очередного глотка «Клинского». — Я бы свою продал.

— И что бы попросил взамен? — равнодушно поинтересовался Геннадий.

— Хороший вопрос, надо подумать. А действительно, что? Во всяком случае, не денег, — убежденно произнес Кругликов. — Понимаешь, что-нибудь… этакое, что бы помогло интересно пожить на этом свете.

— Как раз деньги и помогли бы. — Семечкин приложился к бутылке, беспардонно отрыгнул и заметил: — А потом на миллион лет на сковородку.

— А ты что, праведник? Или, может, вы, Геннадий Степанович, верующий? То-то: нам с тобой и так, и эдак, и всякоразно туда. Так зачем же душе пропадать задаром.

— Ну, дай объявление в интернете, — вяло посоветовал друг. — Один бельгиец недавно по сети родину продавал, а еще какой-то ухарь — участки под дачи не то на Луне, не то на Марсе. И между прочим, покупали.

После этих слов к ним подошел знакомый, и тема разговора сменилась.

«Гендосовы шуточки», — решил Сергей, увидев присланное на его почту сообщение. На всякий случай он активизировал антивирус и щелкнул по ссылке. На мониторе мгновенно появилась заставка некоего сайта с клавишей входа. Желая скорее покончить с этой ерундой, Кругликов принялся кликать по возникающим кнопкам, не особенно вникая в надписи. И вдруг этот звонок в дверь…

— Послушайте, папаша… — Сергей от волнения сглотнул пересохшим ртом и, повернувшись в сторону своей комнаты, посмотрел на монитор, на котором все еще должна была висеть страничка шуточного сайта, но ее уже не было. — Даже если я что-то там вызвал… Погодите! Откуда вы знали? Вы что, заранее караулили за дверью?

Он повернулся обратно, но старикана на площадке не было. Сергей выглянул на лестницу — никого. Он постоял,

прислушиваясь, потом запер дверь и в смятенных чувствах сделал шаг в сторону комнаты.

— Ну, где вы там? — послышалось оттуда.

От неожиданности Сергей подскочил:

— А-а, чтоб тебя! Это уже черт знает что такое!

Он решительно вошел в комнату. Старикан расположился в кресле возле журнального столика, разложил на коленях свою папочку и, слюнявя толстый пальчик-сардельку, деловито копался в бумажках.

— Давайте-давайте, присаживайтесь, и займемся, наконец, вашим делом. Вы уже сделали выбор? — произнес он.

— Чего-о?

— Если нет, могу дать вам список.

— Какой список? Кто вы такой, в конце концов? Вы можете внятно объяснить, что вам нужно?

Дедок оторвался, наконец, от своих бумаг и посмотрел на Кругликова:

— Я демон, работаю агентом в компании «Черт побери». Это закрытое акционерное общество. От вас поступил вызов, вот меня и прислали.

Не спуская глаз с деда, Сергей медленно опустился на диван. Одно из двух: либо перед ним сумасшедший, либо он сам, что теоретически тоже нельзя исключать, слетел с катушек. Хорошо, если ненадолго, а то скоро сессия.

— Я понимаю, вам трудно решиться, — участливо заговорил «дачник». — Такое происходит нечасто…

— Так вы черт? — дошло наконец до Кругликова.

— Не совсем. Я, молодой человек, демон седьмого чина, а это вовсе не…

— Неважно, другими словами — Сатана?

— Тот, кого у вас принято называть Сатаной, молодой человек, — наш шеф. Он один-единственный в своем роде и по вызовам не ходит. У него множество других дел. Он президент двух десятков компаний, владелец не меньшего

числа холдингов, член всяких советов директоров — и все это не считая политической деятельности…

— А я вам не верю, — ни с того ни с сего захихикал Кругликов. — Никакой вы не демон. Вы бомж, и вас разыскивает милиция. Где копыта? Где рога? Почему нет запаха серы? — «Как, кстати, она должна пахнуть?» — Где доказательства, что вы агент чего-то там?.. А?.. Документы у вас имеются? Хотя бы паспорт?

Старичок, которого нервозность хозяина квартиры нимало не смутила, извлек из кармана куртки паспорт и в раскрытом виде протянул Сергею. «Ака́кий Луаса́бович Усопший», — успел прочитать тот. В следующее мгновение перед ним появилось также в развернутом виде солидно оформленное удостоверение с тиснением, тремя печатями и фотографией. В обоих случаях на фотографиях был запечатлен сидящий перед Кругликовым старичок, причем в той самой одежде, которая была на нем в данный момент. Разве только без кепочки.

— А как насчет сотворить что-нибудь эдакое? — неуверенно спросил Сергей. — Фокус там какой-нибудь. Ну чтоб я поверил.

— Ох-хо-хо, — вздохнул старичок, — что за время! Все требуют доказательств. Подведете вы меня под монастырь.

Он вытянул вперед руку. В серванте у противоположной стены мелко затряслись стеклянные полки с сервизами. Кругликов напрягся, его нижняя челюсть непроизвольно поехала вниз. Дрожь в шкафу усилилась, и в следующее мгновение за стеной раздался ужасающий грохот, сопровождаемый звоном бьющегося стекла.

— Что это было? — ошалело спросил Сергей по прошествии тринадцати с половиной секунд.

— Там что-то упало. Похоже на шкаф с посудой. — Старичок снова принялся копаться в своих бумажках. — Куда она запропастилась?..

За стеной находилась квартира жильца из смежного подъезда. Оттуда уже доносился громкий женский голос, переходящий в крик.

— Ну ты, дед, даешь! — прошептал Сергей, а про себя подумал: «Экстрасенс или того хуже — колдун. Впору вызывать этого… Как его?.. Из “Невероятно, но факт”».

Закоренелый материалист Кругликов, разумеется, не мог допустить мысли, что его посетил взаправдашний демон. В демонов он не верил. Он еще мог при некотором послаблении воли принять существование колдунов, магов или чародеев, необычные способности которых проистекали от их особой, непознанной пока современной наукой связи с космосом, но не более. Он мог допустить существование пришельцев или полтергейста, но не библейских чертей и ангелов, наличие которых автоматически предполагало также наличие рая и ада. А это уже слишком.

Тем временем старичок как ни в чем не бывало принялся зачитывать какой-то список, изредка вставляя короткие комментарии.

— …проходить сквозь стены толщиной до ста миллиметров… навсегда избавиться от прыщей (впрочем, вам это не нужно)… никогда не платить в городском общественном транспорте…

«Чего он там бубнит?», — думал Сергей, собираясь с мыслями.

— …вот прекрасное свойство — при встрече с василиском выдержать его взгляд и остаться живым…

«Может, это особая форма белой горячки?.. Но мы с Гендосом вчера выпили всего по три бутылки “Липогорского”. У меня и голова-то не болела…»

— …обольщать замужних блондинок в возрасте от пятидесяти… выигрывать пари, не связанные с денежным вознаграждением…

«Это от переутомления. Пора завязывать с пивом и с интернетом по ночам…»

— …преуспеть в изучении мертвых языков… преуспеть в сложении хвалебных од…

«Интересно, чего он хочет? Каких-то бумажек понавытаскивал. Наверное, будет просить, чтобы я что-то подписал. А что? Ах да — договор касательно продажи моей души. Нет, все-таки он псих. И не просто псих, а сумасшедший экстрасенс. А таким психам по возможности лучше не перечить».

Придя к такому выводу, Сергей решил, что не избавится от «дачника»-демона, пока не выполнит его навязчивого желания.

— Ладно, папаша, покажите-ка бумагу, которую я должен подписать.

— Извольте прежде выбрать желаемое вами из списка. — «Дачник» протянул несколько листков. — И мы тотчас составим соответствующий договор в обмен на вашу душу.

— Ну да, ну да… — Сергей пробежал глазами по перечню на первой странице. — А скажите, вот этот василиск — это настолько актуально? Я даже не знаю, что это за хрень такая.

— Как вам сказать… — Дедок потер пухлой ладошкой подбородок и смешно сморщился. — Вообще-то я сам никогда не встречал настоящего василиска. Скажу вам по секрету, — он перешел на полушепот, — лично я считаю, что все дело в неправильном переводе.

— Не понял, — округлил глаза Кругликов.

— Видите ли, когда блаженный Иероним писал Вульгату*, он слово «цефа» — древнееврейское название змеи — вольно перевел как «регулус», то есть василиск. Так миф о жабе с петушиной головой и хвостом змеи закрепился в каноническом для католиков тексте, и отрицание его было объявлено ересью. В любом случае, если вы не собираетесь искать особые сорта гармалы или мандрагоры в пустынях Верхнего Египта,

---

* Vulgata (то есть общеупотребимый) — латинский перевод Библии, выполненный блаженным Иеронимом Стридонским и ставший каноническим в католицизме.

то вряд ли вам суждено столкнуться с василиском. В других же местах обнаружить его трудно. Хотя говорят, что если жаба высидит спорыш, снесенный семигодовалым петухом черной масти, и если это яйцо в течение шести недель проносит под мышкой девственница, то и в наших краях может вылупиться василиск.

— Что вы говорите?! — изобразил на лице ложную заинтересованность Кругликов. — А для чего, объясните мне, нужно искать эту самую гарламу и драмангору?

— Ну, например, из гармалы получают такие алкалоиды, как гармин, гармалин, гармалол, пеганин, вазицинон… — Странный дед произнес еще с десяток мудреных названий. — А из корней египетской мандрагоры…

— Достаточно, — замахал руками Кругликов. — С этим все ясно. Та-а-к… — Он снова стал просматривать список. — Ну-у, соблазнением пожилых вдовушек мне еще как-то неинтересно заниматься… мертвые языки тоже вроде ни к чему, английский бы осилить… Послушайте, у вас же здесь нет ничего путного. Шняга одна. И за это я должен обречь свою душу на вечные мучения?

Старичок, казалось, начал немного беспокоиться, что можно было уловить по его интонации и усилившемуся малороссскому акценту.

— Во-первых, молодой человек, вы не все еще посмотрели, а во-вторых, никто не собирается после вашей смерти мучить вашу душу. Это все выдумки, я бы сказал, геббельсовская пропаганда этих. — Он ткнул пальцем в потолок. — Сами посудите: какой нам прок в ваших мучениях? Одни расходы.

— А вы не врете?

— Должен вам сказать, молодой человек: я — очень честный.

— В чем же тогда ваша выгода? Я имею в виду вашу фирму.

— В самом факте приобретения, вот в чем. А также в том, что душа не досталась этим. — Демон, или кто он там был,

снова показал пальцем вверх. — Хотя… все это так, дань традициям. Послушайте! — Он вдруг отобрал у Сергея список. — Если вам ничего не нравится, то и ладно. — Старичок интригующе понизил голос и как-то очень доверительно произнес: — Могу предложить нечто эксклюзивное. — Секунду помолчал и совсем лукаво почти прошептал: — Не пожалеете.

Глава вторая,

в которой студент продолжает расспрашивать представителя фирмы и в итоге подвергается процедуре контриницializации, обретая хранителя

— Интересно, — усмехнулся Сергей, — и что же это такое?

— На весь оставшийся срок вашей жизни вы можете приобрести персонального демона-хранителя от фирмы «Черт побери», — торжественно произнес агент.

— Да ну! Это что-то вроде ангела-хранителя?

Старичок протестующее замахал ладошками:

— Молодой человек, никаких ангелов-хранителей не существует и никогда не существовало! Их нет даже в СП.

— Простите, где нет?

— В Священном Писании. Все это выдумки, заблуждения и народные побасенки. В дохристианские времена, правда, такое изредка практиковалось, но уже Четвертый Марсианский Конкордат, регламентирующий взаимоотношения между Небесным Престолом и Демониадой, запретил приставлять к людям ангелов-хранителей — статья две тысячи сорок восемь, параграф шестнадцать, пункт два. Да и то сказать, само слово «ангел» — суть «вестник», но никак не «хранитель чего-либо».

— Почему?

— Да потому, что они ничего не умеют, вот почему. В том числе и кого-либо хранить. К сожалению, я не захватил

с собой текст Четвертого Конкордата, да и, собственно говоря, он не переведен еще на русский язык. Один у нас взялся было за перевод, да куда там — четыре гига в формате TXT. И до середины не добрался.

— С ума сойти, — воскликнул Кругликов, — конкордаты еще какие-то. Мы тут, понимаете, считаем, что у вас с ангелами вражда, а на деле сплошная дипломатия. Я бы даже сказал, политес. А скажите, господин демон, почему это они так легко идут вам на уступки? И почему они не могут работать хранителями, а вы можете?

— Да какие же уступки, Сергей Валентинович, о чем вы говорите! — подивился необразованности собеседника демон Акакий. — Это как раз мы только и делаем, что уступаем. Вот, пожалуйста, только самое главное: имидж злодеев, который нам навязали и который мы не опровергаем, — раз; неподстрекательство людей к строительству на Земле храмов в честь Князя Тьмы, то бишь нашего Лучезарного, а также в память других выдающихся революционеров-конфедератов — два; отказ от мессианской деятельности среди людей, включая командировку Антихриста, о котором столько сказано в вашей религиозной беллетристике, — три; отказ от публикаций нашей научно-познавательной литературы… — Тут Акакий Луасабович с глубоким сожалением посмотрел на Кругликова: — Эх, знали бы вы, молодой человек, чего лишены! У нас в «Темном Царстве» (это издательство такое) вышло уже десятое издание «Мира бестиарий», восьмое — бессмертного труда лауреата и профессора Араквиэля «Вселенная — цепь просчетов и противоречий Автора». Я уж не говорю о травнике фармацевта Армароса (это уже в издательстве Liber Scientia*) или о «Библии от Сатаны» — труде целого коллектива авторов, ставшем самым правдивым изложением истории сотворения мира, выдвинутом, между прочим, на соискание Нобелевской премии…

---

* «Свободное знание» (*лат.*).

— Чего-чего? Какой премии? — оторопел Кругликов.

— Нобелевской. А что вас так удивило? Автор премии ведь у нас.

— Альфред Нобель?

— Он самый. Только, скажу вам по секрету, — важно заметил демон, — наша премия в пересчете по курсу поболее вашей будет…

От такого обилия информации Сергей совсем растерялся.

— Ладно, бог с ней, с премией, — перебил он гостя. — Но вы хотите сказать, что совершенно не причиняете людям зла?

Демон замялся:

— Ну, не сказать чтобы совсем… Но только для вашей же пользы и в строгом соответствии с Восьмым Секретным Протоколом к Четвертому Марсианскому Конкордату. Кто-то же должен топить корабли и трясти землю. Или вы предлагаете пустить все это на самотек? Вы бывали на Юпитере? Нет? Вам повезло. Вот там как раз все пущено на самотек. Что же касается вашей планеты, то атмосферные катаклизмы в нашем общем с белокрылыми ведении, а земные и морские — целиком на нашей шее. Тем не менее нам приписывают множество откровенных небылиц. Когда, например, аббат Гибур, совершая по заказу маркизы де Монтеспан черную мессу, принес в жертву младенца и заявил, что при этом присутствовал Астарот — чрезвычайно уважаемый демон Среды и планеты Меркурий, рыцарь Ордена Мухи, один из губернаторов Преисподней и генеральный казначей Ада, — последний, понятное дело, возмутился и написал опровержение. Весь XVII век он провел в Америке, будучи Генеральным регентом обоих тамошних континентов. Он предъявил стопроцентное алиби, но наша цензура даже не пропустила опровержение в печать. Они, видите ли, посчитали неловким накануне визита Гавриила нагнетать по поводу какой-то мелочи. Дипломаты чертовы! А сколько всего навесили на беднягу Асмодея! Он де и насильник, и распутник, и сводник,

и шулер. И это об архидемоне, князе Инкубата, заслуженном ветеране, у которого в битве при Проксиме Центавра снарядом раздробило ауру, так что с той поры он инвалид сорок шестой категории. Как там у Гете?

Я парами людей губить умею,
Ни разу пальцем жертв своих не тронув.
Я подсылаю в дом молодоженов
Ночами злого духа Асмодея*.

— Это Асмодей-то злой? — все более негодовал Акакий Луасабович. — Конечно, у каждого есть свои недостатки. Он когда-то заведовал у нас игорными заведениями и по доброте душевной завалил все дело. А когда его перевели руководить ведьмами, Асмодей спутался с их предводительницей Лилит, что послужило поводом обвинить его в похоти и блуде. Форкас, наш тысяча двести тридцать шестой президент, сделал ему тогда публичную выволочку, предписал заведовать Луной — а чем, скажите, можно заведовать на Луне? — а заодно, словно в насмешку, склонять к неверности женатых мужчин…

«А старикана-то заклинило намертво», — отметил про себя Кругликов.

— Постойте, Форкас, вы сказали, ваш президент? А кто же тогда Люцифер? — попытался он разобраться в политической архитектуре виртуальной Преисподней.

— Лучезарный — глава Демониады, верховный понтифик, император двенадцати залов Тьмы и гарант конституции, — как-то вяло изрек демон. — Не очень, правда, хороший гарант, но об этом не будем. У нас что-то вроде конституционной монархии, молодой человек. Титулов много, толку, как говорится… Но не будем, не будем.

Они немного помолчали.

---

* Перевод Б. Л. Пастернака.

— Ну так как же насчет моего предложения? — робко спросил Акакий Луасабович, заискивающе моргнув глазками.

— Ах да, демон-хранитель, говорите. Звучит заманчиво. — Кругликов понимал, что хоть дедуган и не в себе, но общаться с ним прикольно. Он решил еще немного поломать комедию. — Кого же ко мне приставят, Акакий… э-э… Лу… бабасович?

Дед как-то застенчиво отвел глаза и несколько сконфуженно произнес:

— Ну… Так как же, меня же и приставят.

— Ага! Вы знаете, почему-то я так и подумал. — Кругликов с веселым прищуром посмотрел на старичка. — Да вы не тушуйтесь, — подбодрил он будущего телохранителя, — я не против. Давайте, чего там подписать?

Сергей достал из кармана халата гелевую ручку и снял колпачок. Время поджимало — через час ему нужно было ехать в университет на консультацию. Акакий же Луасабович тем временем принялся живо выкладывать на журнальный столик какие-то замысловатые принадлежности: гусиные перья, ножички, колбочки. Он подточил несколько перьев, затем разорвал бумажный пакет и надел извлеченные оттуда хирургические перчатки. Откупорив небольшой аптечный пузырек, он извлек из маленькой хромированной коробочки кусочек ваты и принялся смачивать его жидкостью из этой склянки. Кругликов уловил запах спирта.

— Э-эй, чего это вы делаете? — опасливо спросил студент. — Что за дела?

— Готовьте левую руку, Сергей Валентинович, — деловито произнес старичок, — и не беспокойтесь — у меня все в высшей степени стерильно.

— А без этого спектакля нельзя?

«Может, у него там яд какой? — мелькнуло в голове у Кругликова. — Я в отключке, а он квартирку обчистит».

— Никак нельзя, — убежденно ответил демон. — Мы и так многое упростили в процедуре контриницializации,

и тем не менее договор с Лучезарным действителен только в случае, когда он подписан кровью. Давайте руку.

Он хрустнул маленьким пакетиком, из которого высунулось жало металлической пластинки, какими в поликлиниках прокалывают пальцы.

В этот момент Кругликову припомнились все странности, связанные с появлением его сегодняшнего гостя, и он впервые совершенно отчетливо осознал, что все происходящее не фарс и не умопомешательство — он взаправду готовится подписать договор с дьяволом. Казалось бы, осознание этого факта должно было напугать, заставить одуматься, в конце концов, хоть как-то отреагировать, но вместо этого Сергей безвольно протянул свою левую руку. Его безымянный палец был тут же профессионально, с большим нажимом протерт ваткой, затем сжат так, что подушечка побелела и… Укола Кругликов совершенно не почувствовал. Завороженно он наблюдал, как капля за каплей его кровь выдавливалась в миниатюрный хрустальный стаканчик на широкой подставке, как демон капнул туда что-то от свертывания и «чтобы не темнела при высыхании на бумаге». Затем на столе перед ним оказался большой, странно и сложно оформленный бланк, испещренный непонятными знаками, а в его руке — заточенное гусиное перо.

— Вот здесь, — показал демон седьмого чина, — напишите ваше имя. Одно только имя, без всяких фамилий и отчеств, и поставьте дату. Сегодня у нас пятница, тринадцатое июня (день-то какой!). Нет, нет, это не все. Теперь вот тут… Как не надо?.. Надо, милейший Сергей Валентинович, надо. Вы же не хотите целовать настоящую жабу, да и где я ее вам сейчас достану? А эта подпись как раз засвидетельствует вашу готовность, но избавит от самого действия. Архаизм, мы же все понимаем, чай в двадцать первом веке уже. Ну вот и отлично! Смочите перышко… Теперь вот здесь. Это попрание креста и смывание елея. Разумеется, тоже чисто символически. Вы, кстати, какого

вероисповедания? Никакого?.. Ну и правильно, к чему вам это. А вы крещеный?.. Нет?! Совершенно точно?.. Вы абсолютно уверены?! А то, знаете ли, в случае ошибки или намеренного обмана могут возникнуть большие неприятности… Нет-нет, это еще не все. Позвольте. — Демон осторожно вынул перо из безвольной руки падшего студента и сам обмакнул его в стаканчик с кровью. — Теперь вот здесь. Поясняю: это свидетельство о вашей готовности принести в жертву младенца и испить стакан его крови. Жуть, конечно, я вас понимаю — бррр! — но и вы нас поймите — традиция. Что поделаешь, мы ортодоксы, называйте нас как хотите, но мы чтим старину. Подписали? Чудно, Сергей Валентинович! Теперь вот в этой графе. Это клятва никогда более не принимать причастия, не вкушать от тела Господня и не пользоваться святой водой. Как вы сами догадываетесь, так называемая святая вода не более чем условность. Ваш условный отказ от условности — условность в квадрате. Сплошные условности, хе-хе. Нет-нет, в этой графе просто поставьте прочерк. Здесь предусмотрен отказ от крестных родителей, а поскольку у вас их нет — вы точно не крещеный? — то остается последняя подпись вот в этом квадратике. Это о неразглашении. Ну вот и ладненько.

Демон просмотрел документ, несколько раз удовлетворенно сказал «ага», что-то надписал на нем шариковой ручкой, подул, попробовал мизинцем, подсохла ли последняя кровавая роспись, после чего всунул в прозрачный файл и положил в папку. Туда же он убрал и все остальные свои причиндалы.

— Поздравляю, Сергей Валентинович, вы сделали правильный выбор, обратившись в нашу компанию.

Кругликов потряс головой, словно прогоняя наваждение, потом побежал на кухню, достал из холодильника бутылку пива и долго с шумом пил прямо из горлышка.

— А что я подписал в самом начале? — спросил он, вернувшись и тяжело дыша.

— В самом начале? — Акакий Луасабович наморщил лоб. — А-а! Так это… клятва верности Лучезарному, произнесенная в магическом круге в полночь полнолуния, после чего вы чисто виртуально как бы подарили владыке темного царства черный цветок, лоскут от вашей одежды, прядь волос и… что-то там еще… Всего я уж и не помню. Текст договора написан на очень древнем каббалистическом языке, который я основательно подзабыл. Впрочем, имеется вкладыш на латыни, а вот русский перевод я не захватил. — Демон, вдруг что-то вспомнив, захихикал, сопровождая свои «хи-хи» легким подхрюкиванием. — Мне рассказывал один знакомый, как давным-давно, когда все пункты контриницializации приходилось выполнять, что называется, вживую, наибольшую трудность представлял поиск именно пряди волос у совершенно лысых. Как вы думаете, где их приходилось срезать? Хи-хи-хи!

— И что теперь? — не оценив шутки, спросил Кругликов.

— А что теперь? — не понял демон.

— Ну… что мне делать дальше?

— Да ничего не делать. Живите, как жили. Вы ведь студент? Вот и учитесь. А я буду вас оберегать. По мере сил, конечно. Но это не означает, что, переходя улицу, можно не смотреть по сторонам. Береженого, как говорится… ну вы сами знаете.

Старикан, покряхтывая, стал выбираться из кресла.

— И это все? — разочарованно протянул Сергей, глядя на свой проколотый палец с прижатой к нему ваткой.

— Молодой человек, — уже из прихожей стал объяснять соблазнитель, — я ведь не золотая рыбка, не щука из проруби и не джин из старой лампы. У меня другие функции.

— Какие?

— Помогать вам…

— Ну так помогите! — едва не возопил студент. — Хотя бы материально.

Акакий Луасабович вздохнул, укоризненно покачал головой и, зажав папку под мышкой, достал из заднего кармана необъятных штанов потертый кошелек.

— Вот. — Он сосчитал, шевеля губами, несколько скомканных купюр. — Триста пятьдесят рублей. Держите. Больше, к сожалению, нет. Да! Чуть не забыл, вот мой сотовый. Если случится что-нибудь экстраординарное, звоните.

Вручив Сергею что-то вроде визитки с номером телефона и еще раз произнеся: «Только в экстренных случаях», представитель фирмы «Черт побери» удалился, прикрыв за собой дверь.

Взглянув на бумажку с цифрами, Кругликов увидал, что номер начинается не с восьмерки, как следовало бы ожидать, а с трех шестерок.

Он распахнул дверь:

— Послушайте! Эй…

Ни на площадке, ни на лестнице никого не было. Сергей сделал несколько шагов, посмотрел в щель между лестничными маршами и прислушался. Было пусто и совершенно тихо. Он спустился к окну, открыл одну из фрамуг, но и во дворе возле дома не было ни души. Постояв пару минут, Сергей щелчком сбросил с пальца почти высохшую ватку и вернулся домой. Первым делом он осмотрел гостиную, но там ничего не привлекло его внимания, потом прошел в комнату и уселся перед компьютером. На мониторе на фоне экзотического острова с пальмами висели иконки рабочего стола. Открыв свой почтовый ящик, он с удивлением обнаружил, что последнее сообщение в нем было датировано прошлым понедельником.

Глава третья,

в которой рассказывается о некоем писателе и его романе, а также о том, что чтение чужих романов часто есть труд неблагодарный

Студент Сергей Валентинович Кругликов, перешедший в начале лета на пятый курс истфака университета, снимал комнату в четырехкомнатной квартире на пятом этаже. Его родители, проживавшие в областном центре, уехали работать за границу, ежемесячно пополняя банковский счет сына небольшой суммой, которая по мере поступления тут же перекочевывала из банкомата в книжку «Популярная сексология», стоявшую в числе остальных в книжном шкафу в гостиной. Родительской субсидии, однако, кроме расходов на сносное питание и квартплату, хватало только на пиво, интернет и телефон. На сигареты, например, денег не оставалось, и, может быть, поэтому Кругликов не курил.

Еще одну комнату занимал второй постоялец, в официальной обстановке именовавший себя писателем Опенкиным. Третья — упомянутая уже гостиная с книжным шкафом — была общей, а четвертая — с хозяйскими вещами — всегда заперта.

Соседу Сергея, Владиславу Ивановичу Опенкину, уже лет пять, как перевалило за тридцатник. Он не имел определенной профессии, хотя в молодости окончил что-то вроде училища культуры или театрального (а может, и не окончил,

а только хотел окончить). Работать «на дядю», то есть на чью-либо контору или фирму, включая родное государство, он категорически не любил, делал это время от времени, вследствие чего был постоянно стеснен в средствах и жил скромно. От второй своей семьи Опенкин отпал года полтора назад как раз по этой прозаической причине. Отпал, как осенний лист, замороженный холодом непонимания разочаровавшейся в нем супруги. Как он сам говорил, низовая ячейка общества безжалостно отринула его в полном соответствии с духом и моралью нашего потребительского времени. И не то чтобы Владислав Иванович был тунеядцем или злоупотреблял алкоголем. Просто лет пять назад он принялся сочинять «научно-фантастический роман-эпопею в форме философской утопии», а спустя четыре года — по его окончании — осознал себя сложившимся, хотя и известным пока лишь в очень узких кругах писателем. Писателем со своей особой философией.

Роман, лаконично и интригующе названный «МЫ», Опенкин поместил на специально созданный для этих целей сайт, который так и назывался: «Сайт писателя Опенкина». При первом же взгляде на оформление сайта становилось ясно, что при его создании автор не пользовался чьей-либо помощью, не слушал советов и сделал все сам: по-простому и без претензий. Текст самого романа предварялся строгой надписью: «Государственная регистрация авторского права произведена. Все права защищены. При цитировании фрагментов книги “МЫ” ссылка на В. Опенкина обязательна».

Помимо этого, здесь была «Автобиография писателя», поучительная история написания романа, а также подробная инструкция по его прочтению. В частности, писатель Опенкин зачем-то доводил до сведения потенциального читателя, что, собственно, ожидает его в каждой из четырнадцати глав. Он честно предупреждал, например, что события более или менее начнут разворачиваться только в четвертой главе его романа и развернутся на полную, так сказать, катушку к восьмой.

Но читать следует и первые три, так как без них понять что-либо дальше будет сложно. Особенно внимательно следовало изучить главы четвертую, шестую и заключительную часть седьмой, дабы в дальнейшем в мозгах неподготовленного читателя не возникло философских противоречий. В этих главах содержались крайне важные сведения о некой планете, о галактике, в составе которой эта планета пребывала, а также о Вселенной в целом. Зато преодолевших этот долгий и тернистый путь в тринадцатой главе ожидала феерическая кульминация, а багаж накопленных ими научных и эзотерических знаний о человечестве и Вселенной должен был достичь некой критической массы и сравняться по своему гуманитарному значению с чем-то вроде новой теории мироздания. По мнению же скептиков, к числу которых впоследствии всецело примкнул и студент Кругликов, единственной ценностью этой инструкции было наличие в ней краткого описания самой книги. Понять из него что-либо толком не было никакой возможности, но как раз это и служило своеобразным предупреждением.

Вот лишь малый отрывок, взятый уже не из предисловия, а из первой главы, в которой автор продолжал объяснять заинтригованному соотечественнику, для чего тому нужно как можно скорее заняться чтением книги:

> А еще я расскажу тебе о множестве интересных предметов: война и мир, жизнь и смерть, бог и Хозяин Миров, ум и мудрость, власть над душами людей, власть над миром и право на все!
>
> Ты посмотришь на людей моими глазами, и, уверяю тебя, это очень интересно и полезно…
>
> Ты увидишь морозную сибирскую ночь и жаркий до ярости полдень в мире Халы…
>
> Ты увидишь схватку между звезд, безмолвную и страшную до неправдоподобия…
>
> Ты по-новому осознаешь себя и свое место в этом мире, потому что ты лучше узнаешь тот мир, в котором ты живешь.

Ты посмотришь, как время медленно и ласково расставляет все на свои места, и ты поймешь, что главный путь — это путь внутри себя.

Эта книга — людям о людях.

Прочтя такое, случайно забредший на сайт писателя Опенкина посетитель прикидывал: стоит ли ему смотреть на людей глазами писателя Опенкина и так ли уж нужен ему жаркий полдень в мире неведомой Халы. Не лучше ли будет поискать чего попроще, как говорится, для средних умов. И нет никаких сомнений, что подавляющее большинство (если не сказать все до единого), оценив объем предлагаемого текста — один миллион триста тысяч знаков без учета пробелов, — малодушно склонялось к этому второму решению.

Между тем Влад Опенкин, роман которого, несмотря на все инструкции и вводные главы, упорно не замечали и телефон которого столь же упорно не обрывали редакторы, посчитал, что одного персонального сайта мало, и вскорости создал еще два. Кто-то надоумил его разместить на них рекламу некоторых местных предпринимателей. В задачу писателя отныне входило принимать по сети заказы и отвечать на вопросы по поводу установки каких-то нагревателей, изготовления гаражных дверей и тому подобного. Со временем эта деятельность начала приносить кое-какой доход, придав литературным сайтам определенный прагматический смысл. И все же ключевым элементом на них безусловно оставался роман. Его можно было читать в виде HTML-файла или «Скачать бесплатно!» в любом из всех известных миру форматов, целиком или разбитым на главы с первой по последнюю, а также, напротив, с последней по первую, вероятно для любителей чтения с конца. Совершенно уже непонятно, для чего имелись здесь разделы «Фрагменты из романа писателя Опенкина» и «Цитаты и высказывания из романа писателя Опенкина». Но самое главное, в специальной

колонке, вынесенной прямо на домашнюю страничку, появились первые четыре рецензии благодарных читателей, трое из которых были еще и друзьями писателя Опенкина, а четвертый — знакомым одного из друзей. Рецензии, впрочем, состояли из одного, максимум трех предложений типа «Не думал, что смогу прочесть до конца такую большую книгу. Очень понравилось. Молодец!».

Примерно полгода назад, когда Владислав Иванович стал соседом Кругликова по квартире на Кедровой, последнему поневоле пришлось… нет, не прикоснуться — столкнуться лоб в лоб с его творением. Как он ни увиливал, как ни ссылался на занятость и на то, что не любит фантастику вообще, а тем более научную, отвертеться не удалось. Однажды Иваныч застал его лежащим на диване с книгой в руках. Да не просто с книгой, а с «Мечом в камне» Теренса Уайта.

— Вот ты читаешь всякую иностранную фэнтези сомнительной интеллектуальной ценности, а посмотреть работу писателя, живущего под боком, у тебя нет времени, — обиделся тогда Владислав Иванович.

Пришлось встать, включить компьютер и долго пытаться понять, что двигало человеком, чего ему не хватило в этой жизни, почему он начал вдруг облекать весь этот поток освобожденной от пут бытия и здравого смысла фантазии в высокопарные слова, уверенный в их непременной востребованности. Но, увы, понять этого Кругликову так и не удалось. Да и школярски неумелый язык, изобиловавший порой однообразными повторами слов вроде «был», «была», «были», никак этому не способствовал.

> В горах, был снег, но мне, было совсем не холодно. Это было поразительно, но, тем не менее, так оно и было. Воздух был насыщен…

Сергей ради интереса скопировал текст в Word и с помощью функции автоматической замены выделил все слова

с «был» красным цветом, придав им вдобавок полужирное начертание. Редактор произвел около десяти тысяч замен, после чего некоторые страницы приобрели вид усыпанных оспинами пациентов инфекционной больницы. Кругликов даже развеселился и хотел было позвать автора, но, почитав еще немного, передумал — ситуация с глаголом «был» не исчерпывала всех лингвистических минусов повествования. С местоимениями дело обстояло не лучше.

> — Я хотел бы поговорить с тобой, — сказал он.
>
> Я впустил его в дом.
>
> — Я слушаю тебя, — ответил ему я.
>
> Я предполагал, что он сначала представится, а не начнет мне что-либо описывать, но я пока решил временно отдать ему инициативу в разговоре — ведь это он пришел ко мне, а не я к нему, — а уже потом действовать по ситуации; однако с первыми же его словами, я понял, что разговор у нас будет далеко не ординарный, поэтому я…

Потеряв остатки терпения, Кругликов заглянул в самый конец и прочел последний абзац.

> Итак, все, я заканчиваю эту книгу. Надеюсь, что она принесет тебе какую-нибудь пользу, мой читатель. Меня ждет мой мир, а тебя — твой, — мы не встретимся больше никогда, совсем никогда. Печаль и тоска заполняют мое сердце — мне жаль расставаться с полюбившейся мне книгой и тобой, мой читатель, но мне нечего больше сказать тебе, и я умолкаю. Светлого тебе пути, удачи, постоянного благополучия и всего самого наилучшего в жизни. Будь счастлив и прощай навсегда.

Сославшись на то, что такую серьезную вещь нельзя читать второпях, Кругликов попросил на ее освоение две, а лучше три или даже четыре недели. На неизбежный вопрос